

Владимир Томашов

Элизабет и квартира № 13

Ненавижу, когда меня так называют. Лиза, Лизка. Бхе. Мое настоящее имя Элизабет. Слышите как красиво — Элизабет, а то какая-то Лизка. В трудном возрасте, когда этот мир начинает преображаться, причем не в лучшую сторону, за исключением тяги, я имею в виду настоящей тяги к мальчикам, но вера в чудеса еще окончательно не утрачена, со мной произошла необыкновенная история, которую я и хочу вам рассказать.

Когда это случилось, я уже ненавидела откровенно детские сказки типа «Хроники Нарнии», зато уже сутками напролет могла смотреть «Сумерки». В школе у меня почему-то, не было такого парня, который бы меня по-настоящему привлекал. Ну как, кое-какие конечно были, но я говорю: «по-настоящему», до воплощения в ночные фантазии с поцелуями, слезами ревности и мамиными советами. В мысленные зарисовки его с золотым обручем на голове и за рулем-поводьями белого мустанга, ну это я уже загнула, конечно. Но, наверное, самое главное, что эти придурки, как на подбор называли меня Лизой, а меня это жутко бесит.

А вот он называл меня Элизабет. Иногда

Лизи, но это совсем не Лизка, или, что еще хуже, Лизунька. Понимаете, когда к вам так обращаются, то сразу пропадает все очарование мира грез девушки подростка, и розовый туман волшебной романтической сказки рассеивается навсегда. О нет, я далеко не добрая Золушка и не наивная Русалочка, просто, ну какая девочка в переломный период не живет в двух мирах одновременно — испорченном нынешнем и стереотипном из книжек.

Его звали Дориан. И это еще одна веская причина по которой наши души встретились в подлунном мире. Он жил в соседнем доме со своей тетушкой Гретой. Она была довольно старенькой и чудаковатой впрочем, как и все старушки ее возраста. Но она была особенно странной, ведь даже ровесницы обходили ее стороной, и за глаза называли колдуньей. Хотя я в ней ничего похожего не замечала, обычная, себе такая, бабулечка со старческими причудами.

Правда однажды она заговорила со мной о временах своей молодости и при этом все время упоминала Петра Великого, Вольтера, Баха, Моцарта, Помпадур, Гёте, Канта и еще кучу других знаменитых имен. Я не очень-то понимала, причем тут ее молодость, но она рассказывала с таким упоением, что неволей все принималось взаправду.

Пожалуй, это единственное в чем она походила на колдунью или старую ворожею.

Однажды ее называли даже чертихой, а баба Евдокия говорила, будто местный батюшка всяк раз при встрече осеняет себя знаменем и бормочет про нехристь. Будто сама не раз видела, и зуб дает про заклад.

Хотя вот что еще необычного — никто толком не может сказать, когда они въехали в наш двор, ощущение, будто они жили здесь испокон, как говорится, но, когда пытаешься вспомнить какие-то конкретные случаи и события связанные с ними, то ничего не приходит в голову, словно их и не было никогда.

В остальном они абсолютно нормальные и вполне себе обыкновенные люди.

Как-то вечером, я сидела дома, у окна, пила горячий чай и читала Дюма. Когда стало совсем темно и на улице, во дворе, зажегся фонарь — мой любимый фонарь, он светил таким мягким, блекло-оранжевым светом, всегда на одинокую деревянную лавочку — в стекло бросили маленький камушек. Клац. Это был Дориан. Он улыбнулся, так по-доброму, и махнул рукой, чтобы я выходила.

Отец был в очередной командировке, а мама вот уже целый час нежилась в горячей ванной с пенкой и солью, боже как я люблю ванну с пенкой и, судя по всему, собиралась пролежать там еще, как минимум, столько же. Чтобы не обламывать ей кайф, я решила ничего не говорить, написала

записку, если вдруг не успею вовремя вернуться, и тихонечко выскользнула в двери.

На улице было чудесно. Свежо, чуть-чуть сыро и тихо. Мы еще не целовались при встрече, но здороваясь, всегда становились друг напротив друга и, глядя в глаза, тепло и нежно говорили: «Привет».

Это была первая — уже именно зрелая, а не просто там детские початки влюбленности — любовь. Та, что сводит члены и парализует разум. Та, что кажется вечной и всегда разбивает сердце.

Он предложил сходить в кафешку, поесть суши с каким-нибудь напитком, может быть даже с вином, совсем немножко, и то если продадут. Ну кто может отказаться от суши, хотя у меня есть знакомые их на дух не переносящие, но я не из их числа.

Потом он пригласил меня в гости, страшно заинтриговав под роллы с угрем, я еще тогда перебрала васаби, быстро запивая его соком. Бог весть чего себе навывдумывая, все таки момент довольно волнительный, я согласилась.

— А это та самая девчушка, — поприветствовала меня его тетушка. — Ну, проходи, давай, не стесняйся.

Он заботливо дал мне свои домашние тапочки, на два размера больше, от чего я шаркала ими по-полу, словно его пожилая родственница.

Мы прошли в комнату, обжитую, уютную, с плюшевой обивкой на креслах и диване, старинными часами курантами, и толстенными коврами, но все это убранство выглядело не роскошно, а очень тепло и по-домашнему. Я с удовольствием плюхнулась в мягкое сидение, продолжая осматривать квартиру.

— Ты еще никогда такого не пробовала, — сказала его тетушка. — Уверяю тебя, дорогуша, этот рецепт давно утерян для жителей городов.

Дориан обещал мне секрет и кое-что необыкновенное но, неужели это всего лишь редкое угощение: еда, питье — не важно, я ожидала намного большего.

— Лизи, — сказал он, — ты еще веришь в чудеса?

— Ну не то чтобы очень, — отвечаю, — но может быть немножко.

И я улыбаюсь ему своей очаровательной скромной улыбкой.

— А я вот верю, — говорит. — Не то чтобы немножко, а очень даже очень.

И вот теперь он улыбается мне своей коронной добряка милашки.

Слышно как на кухне стучит посудой тетя Грета.

— Ты в девятом учишься, да?

— Вообще-то уже в десятом. А что?

— Прекрасная пора, — говорит как мои родители. — Наслаждайся ею Лизи.

— Ты говоришь как моя мама, — говорю подсмеиваясь. — Тебе что сорок?

Он не ответил, а как-то странно закивал головой. Встал с кресла и подошел к картине на стене.

— Видишь ли, Лизи, все не так просто, — сказал он с каким-то огорчением, а потом повернулся и снова беззаботно растянул губы. — Вот ты напрасно не веришь в чудеса.

Вот теперь становилось интересней, прям как и обещал. Что за игру он затеял?

— Я не говорила, что не верю, — решаю подыграть. — Я говорила: «Немножко».

— Этого мало.

— Что?

— Нужно верить всем сердцем.

Ну, началось — лепетания из какого-нибудь лирико-юношеского рассказа. Ну, да ладно, я не против. Если бы это был Васька Онищенко или Коля Бубыренко, я бы конечно разоржалась от души и сказала: «Что ты несешь?». Но это был Дориан.

— Ладно, — говорю, — я верю всем сердцем.

Послышалось приближающееся шарканье. Дориан испытующе посмотрел на меня будто стараясь понять, шучу я или серьезно. Ну, правда,

что за милашка?

— А вот и я, мои дорогие, — тетушка несла поднос с чашками и заварником. Ложки стучали о стекло, издавая приятный звук благополучия. — Даю тебе голову на отсечение, что такого ты еще не пила.

В чашках был напиток темно коричневого цвета, очень похожий на кофе или какао, но более наваристый, с плотной густой пеной и фиолетовыми вкраплениями, а запах просто непередаваемый, что-то наподобие древесной коры, каких-то цветов, и подгнивших фруктов — да, такого я точно не пробовала.

— Пусть тебя не пугает его дивный аромат, — засмеялась тетушка. — Вот уже не одно столетие его пьет вся наша семья. Это, что называется, семейный рецепт.

Я недоумевающее посмотрела на старушку — что значит: «Не одно столетие?»

— Охо-хоу, — снова смеется. — Не бери в голову деточка, я имела ввиду, что наш род не молодой, и мы помним всех своих предков начиная с семнадцатого века. Можно сказать, что рецепт взят именно оттуда.

Дориан нежно положил ладонь мне на плечо и поднес чашку с подозрительным снадобьем. Я взяла ее, но пробовать не спешила. Тогда он взял свою чашку, понюхал аромат, словно заправский гурман

и отхлебнул.

— Ну как тебе Дори? — тетья Грета последовала его примеру. — Какой насыщенный запах, м-м-м, — замычала она с удовольствием. — Элизабет, я тебя не понимаю, уж не думаешь ли, что тебя хотят отравить?

— Да нет, что вы, — оправдываюсь. — Просто такой необычный аромат я, по правде сказать...

— Лизи, — вмешался Дориан. — Верить всем сердцем, помнишь?

Я молча посмотрела на него, поднесла чашку к губам, но нюхать не стала, и аккуратненько присёрбнула. Правда, причём тут вера, я не совсем поняла, ведь речь тогда шла о чудесах, ну да ладно. Вкус, надо сказать, не такой уж и гадкий, как ожидалось, на свой запах совсем не похож. Единственные знакомые нотки, что я уловила, это сладость заварного домашнего крема. Моя бабушка все время такой делала, когда пекла «Наполеон» по праздникам. В остальном — неизведанное, непонятное и совершенно несравнимое.

— Вот умница, — похвалила тетушка. — Ну как тебе? Что скажешь?

— Вы были правы, — улыбаюсь. — Такого я ещё не пробовала.

— Я рада, что тебе понравилось, но обязательно нужно допить до конца.

Это еще зачем?

— До самого дна, деточка, иначе ничего не почувствуешь.

Я закивала головой и сделала еще один глоток.

— Ну, не буду вам мешать, — сказала тетя, вставая с кресла. — Кто захочет, наливайте еще, не стесняйтесь, — она показала на заварник и пошла на кухню.

— А что я должна почувствовать? — спрашиваю у Дориана.

— Как раз то, о чем мы с тобой говорили, — отвечает, глядя в глаза. — Я же обещал тебе фантастику, помнишь?

Тут я смущенно потупила взор и, наверное, зарделась. Он обнял меня, ласково так, умело (никогда бы не подумала), потом приподнял подбородок и нежно поцеловал, точнее, слегка прикоснулся к губам, а потом меня понесло — страсть захлестнула. Это было незабываемо, и не знаю, сколько бы длилось и до чего довело, люди теперь половозрелые как-никак, но на кухне громко бахнуло, что-то из посуды и вдребезги — тетя Грета рассадила стопку тарелок с красными маками, очень красивых, как по мне.

Мы прекратили наш первый, сладкий, слюнявый опыт и смущенно друг дружке заулыбались, под ахи и причитания тетушки.

— Нужно допить, — Дориан вручил мне мою чашку на блюдце. — Иначе все пройдет даром.

— Уже не пройдет, — говорю я довольная как слон. — Уже недаром.

Вместе мы выпиваем наш чудо коктейль. С кухни доносится звон битых стекол подгоняемых веником на совок.

— Красивая картина, — показываю на стену. — О чем она?

Краски на холсте словно проникали в самые необычные уголки мозга — туда, где живут воспоминания о прошлых жизнях. Где проходят ассоциации с иными мирами.

— Я думаю, Лизи, полотно говорит о том, что жизнь наша всего лишь окошко в кондоминиуме, одно из сотен таких же, но совершенно иных.

Философия погнала. Ну-ну, посмотрим. Я, в принципе, люблю порассуждать на извечные темы.

— Ты имеешь в виду сотни других реальностей?

— Да, — всматривается в картину, — именно это.

У меня в голове стали приятно искриться шарики, а пищевод стал горячим как от порции алкоголя. Дориан увидел во мне перемену и слегка улыбнулся.

— Началось, — сказал он. — Что ты чувствуешь?

— Мне очень хорошо, — мне действительно хорошо. Я облакачиваюсь о спинку дивана и пытаюсь насладиться новыми ощущениями. Дориан повторяет за мной, у него, кажется, тоже, что-то происходит.

— Какая твоя любимая сказка? — спрашивает он.

— Не знаю даже, — я задумалась, потому как давненько уже не обращала на такое внимание. — А твоя?

— Ну-у, — протягивает. — Это, смотря какого рода сказка.

— В смысле?

— Ну, детская, там, или для взрослых. Сказки ведь тоже разные бывают.

Надо же, я вот никогда не разделяла сказки по возрасту, хотя сейчас только сообразила, что те же, мои любимые «Сумерки», тоже ведь можно назвать сказкой, но вот с Вини Пухом они очень разнятся.

— Я бы еще поделил сказки на волшебные и просто добрые. Про зверюшек или про каких-нибудь чудищ. Сказки, вплетающиеся в нашу повседневность, наподобие Оливера Твиста, Карлсона и Гарри Поттера. А есть совсем небывалые про иные миры и эпохи, вроде приключений Хоббита, понимаешь?

Я уже вполне ошарашена его ребячеством и, несмотря на приятные волнения, начинаю слегка

беситься.

— У тебя такой серьезный подход, — говорю как дура. — А еще, наверное, можно поделить на мальчишечьи и девичьи.

Господи, ну что за бред, не смотря на то, что это Дориан, а не Лешка с задней парты, вернее, даже, именно поэтому, я очень разочарована.

— Вижу все не так, как ты хотела, — говорит. — Не буду тебя огорчать Элизабет и скажу прямо, но ты должна пообещать мне кое-что.

— Что именно? Я никому ничего не скажу, если ты об этом.

— Доверься мне, — он стал пристально смотреть мне в глаза. — Хотя бы до тех пор, пока не выйдешь за двери, доверься мне полностью. Не нужно все принимать за детские шалости и белиберду, я понимаю твои нынешние сомнения, и разочарование во мне, ты ждала другого, понимаю.

За окном поднялся ветер. По подоконнику начали бить капли дождя. Я вспомнила о доме и о том, что мама скоро начнет волноваться.

— Элизабет, — он снова нежно обнял меня за плечи, завидев, что теряет надо мной власть. — С наступлением утра ты больше никогда меня не увидишь.

Как?! Почему?! Он нашел, что сказать, молодец парень, все чувства разом вернулись в мое сердце.